

100

КРЕО

ВЛАДЦІЯ:
 МАН УЛ, Д. Т-НА Н. Д. СЫТНИК
 Телефонъ № 87-82.
 Часы работы — отъ 4 до 5 час.
 В. МАНУЛЪ и СЫТНИКЪ — авторы и издатели.

КОМТОРЪ:
 МОСКВА, Тверская ул., д. Т-НА
 Телефонъ № 82-83 и
 Комитетъ открытъ съ 5 час. до 7 час.
 Телефонъ, телеграфъ № 82-83

ОВО

№ 13

РУССКОЕ СЛОВО

№ 13

Background to the development of the questionnaire

Ha. $\frac{1}{2}$ run. . . . 2 p. 78 s	Ha. 2 wings. . . 2 p. 78 s
Ha. $\frac{1}{2}$ run. . . . 4 p. 78 s	Ha. I — p. 80 s

За вершинку адреса улазилихте 16 в. са гором
плато на височини — 30 м.

PELIKANIA:

МОСКВА, Творческая ул., д. 7-ва Н. Д. Сытина
Телефон-факс 50 07-03.

Рекомендуем для изучения обучающихся — от 4 до 5 час.
 Рубрикация по авторам, редакция по годам, по содержанию

КОИТОРА:

МОСКВА, Тверская ул., д. 7-8а Н. Д. Сытина.
Телефоны: АМ 52-55 и 55-57.

Концерт старата е 9 час. утр. до 6 веч.
Телефонъ, телеграмъ № 15-12.

DISCUSSION

СТОП-СЛОВА: КОЛЛЕКЦИЯ 1 р. 20 к. " "

Примеры и задачи, которые могут возникнуть — 60 п. за работу про-
вести на доске 3-го уровня.

№ 13

Свободному художнику.

Статья С. Яблоновского.

Въ отчетахъ о сегодняшнемъ празднованіи памяти Чехова непременно будетъ говорить о томъ, что это празднованіе не удалось, что мы не умѣемъ организовывать празднествъ, что все у насъ по трафарету, и проч.

Пипущіе такъ забываютъ, что и сами эти сѣтованія на наше неумѣнье—тоже въ высокой степени трафаретныя сѣтованія, что они вносятъ въ празднованье—хорошо оно, или дурно—нотки какого-то недоброжелательства, недо-вольства, самой доподлинной прозы.

Не въ томъ дѣло, хорошо или плохо умѣемъ мы чествовать своихъ великихъ людей; можетъ-быть, даже мы и очень скверно ихъ чествуемъ. Что жъ дѣлать?—какъ умѣемъ. Не даромъ же тотъ, котораго мы сегодня вспоминаемъ, окрестилъ насъ хмурыми людьми, а житье наше назвалъ житьемъ въ сумерки.

Такъ оно и есть; хмурые мы, и кругомъ насъ сумерки. Справедливо ли и требовать отъ насъ умѣнія ярко чествовать какъ живыхъ, такъ и покойниковъ?

Важно не то, какъ удадутся сегодняшнія поминки,—важно другое:

Теперь, черезъ пять съ половиной лѣтъ послѣ смерти Чехова, послѣ «весны», «заря» и новыхъ сумерокъ, такъ непреложно ясно, что мы, хмурые и сумеречные люди, любимъ Чехова настоящей, глубокой и большою любовью.

Бѣдная многимъ и многимъ, Россія богата такими писателями и такими нравственными личностями этихъ писателей, которыми она можетъ похвалиться передъ всѣмъ міромъ. Нѣкоторые изъ нихъ стоятъ передъ нею въ необыкновенной душевной красотѣ. Такъ понятно благоговѣніе къ нимъ. Но, помимо этой красоты, помимо таланта, благоговѣніе это вызывалось къ нимъ еще и тѣмъ, что всѣ они были не только писателями, но и борцами.

Борцами и страстотерпцами. Такъ уже сложилась въ Россіи жизнь, что нельзя въ ней быть писателемъ и не быть борцомъ; быть писателемъ и не страстотерпствовать, не подвергаться всяческимъ ранамъ и скорпіонамъ.

— Хорошо быть просто художникомъ, да нельзя,—это тяготеетъ на русскомъ писателѣ.

Чеховъ—исключеніе.

Чеховъ—писатель, который умудрился у насъ, въ Россіи, быть художникомъ и только художникомъ.

Это дерзость неслыханная и долгое время бывшая непонятной:

— Да какъ же это онъ? Да развѣ это можно?

И на него смотрѣли и съ недоумѣніемъ, и съ осторожностью, и съ нѣкоторой враждою:

— Русскій писатель, а не идетъ ни въ какую кружковщину, ничего съ пѣною у рта не проповѣдуетъ, не признаетъ догматовъ.

Но даромъ такъ глубоко не понялъ молодого Чехова Михайловскій, обвинилъ его въ отсутствіи общихъ идей, какъ упрекалъ его въ отсутствіи общихъ идей и Мережковский, когда онъ приступалъ къ нему со «слезинкой замученнаго ребенка, которой нельзя простить», а Чеховъ ему въ отвѣтъ съ полной серьезностью:

— «А, кстати, голубчикъ, что я вамъ хотѣлъ сказать: какъ будете въ Москвѣ, ступайте-ка къ Тѣстову, закажите селянку,—превосходно готовить,—да не забудьте, что къ ней большая водка нужна».

Мы родились со всяческими традиціями; болѣли и страдали ими самымъ искреннимъ образомъ еще въ томъ возрастѣ, въ которомъ молодой Чеховъ любилъ только сладкіе пирожки, да рыбную ловлю, да товарищескую веселую компанію по всегда достаточно интересныхъ друзей; мы были такъ необыкновенно серьезны и глубоки въ годы, въ которые Антоша Чехонте хохоталъ самымъ заразительнымъ образомъ по поводу всего, на что ни падалъ его острый, необыкновенно подмигивающій глазъ; мы и сами пили, и другихъ вели за собой, и онъ... онъ отвѣчалъ на такіа рѣчи напоминаніями о «большой

водкѣ», и вонъ онъ гдѣ, тамъ, въ высотѣ, въ которую мы поднимаемъ свою голову, когда хотимъ взглянуть на самое дорогое, лучшее, стоящее выше насъ.

И видать въ немъ самого глубокаго, самого задумчиваго, самого дорогаго своего друга тѣ самые люди, которые всю жизнь свою на первый планъ выдвигали принципы и догматы, непременно пристраивались къ партіямъ и не умѣли понять ни смѣха, ни того, что человекъ смѣетъ быть только художникомъ.

И для всѣхъ онъ теперь и другъ, и учитель, и знамя, хотя всегда былъ противъ всякаго рода знаменъ и догматовъ.

Какимъ образомъ это произошло? Какая въ этомъ скрыта загадка?

Развѣ не загадка, въ самомъ дѣлѣ?

Родился по Богъ въстать въ какой культурной семьѣ, а является самымъ культурнымъ писателемъ нашего времени; не имѣетъ ничего общаго съ аристократизмомъ, и является такимъ утонченнымъ аристократомъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, словно за нимъ безконечныя поколѣнія рыцарей духа, преемственно смѣняющихъ одинъ другого; самый веселый и въ то же время самый элегическій; самый спокойный, и въ то же время произведшій великую революцію въ области искусства, а, можетъ-быть, и не одного только искусства.

Когда я былъ, около мѣсяца тому назадъ, на открытіи чеховской комнаты въ санаторіи подъ Москвой, люди, хорошо знавшіе Чехова, говорили какъ-разъ о томъ, что Чехова напрасно представляютъ себѣ въ качествѣ убѣжденнаго, сознательнаго проповѣдника какихъ бы то ни было доктринъ, въ какой бы то ни было области.

— Этотъ взглядъ,—говорили хорошо знавшіе Чехова люди,—глубоко ошибоченъ.

И, тѣмъ не менѣе,—скажу я,—въ этомъ взглядѣ общества на Чехова сказалось глубокое пониманіе обществомъ Чехова.

Да, правда: Чеховъ никогда не стремился производить никакихъ переворотовъ, и, помимо волнъ, производилъ ихъ.

— Онъ вовсе не стремился создать новой драматургіи,—говорилъ Вл. И. Немировичъ-Данченко,—онъ былъ бы радъ писать въ манерѣ старыхъ драматурговъ, если бы умѣлъ писать въ этой манерѣ... И создалъ новую драматургію, проведъ, не замѣчая этого, рѣзкую демаркаціонную линію, сдѣлавъ революціонеромъ въ области театра.

Онъ не заботился о томъ, чтобы ставить диагнозы нашей общественности, прописывать ей рецепты, пугать своею индифферентностью къ общественнымъ вопросамъ и оказался нашимъ лучшимъ врачомъ, и диагнозъ поставившимъ, и лѣкарства давшимъ.

Онъ не былъ въ лагеряхъ, а лагери теперь идутъ къ нему, и говорить: онъ—нашъ. Мы укрыли его въ сердцѣ своемъ. И нельзя отнять у нихъ права взять себѣ кумиромъ человека, не признававшаго кумировъ.

Отчего это?

Теперь Чеховъ раскрытъ передъ нами и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, которыя мы читали и перечитывали, и въ письмахъ, и въ воспоминаніяхъ окружающихъ, и мы теперь понимаемъ, почему произошло это.

Потому, что онъ былъ свободенъ такъ, какъ никто изъ насъ не смѣетъ быть свободнымъ.

Свободенъ отъ всякихъ цѣпей, которыя человекъ налагаетъ на себя, даже во имя самыхъ великихъ цѣлей.

Онъ воевалъ, но воевалъ за одно: за свою свободную, ничему не обязанную подчиняться, человеческую личность.

Онъ понималъ, что онъ художникъ, и что художника нельзя сдѣлать слугой никакого барина; что надъ художникомъ барина быть не можетъ.

И стоитъ онъ надъ нами единый, свободный, среди рабовъ, рабовъ всяческихъ сестъ и формаций...

СЕРГѢЙ ЯБЛОНОВСКІЙ.